

АЛЬФОНСИНА СТОРНИ

1892—1938

АРГЕНТИНА

*Перевод с испанского Инны Чежеговой **

Аргентинская поэтесса Альфонсина Сторни родилась в очень бедной семье, детство ее прошло на улице, а первую в своей жизни книгу — необходимый для учения букварь — Альфонсина вынуждена была украсть. Ценой невероятных усилий ей удается получить образование и занять должность учительницы в маленьком городке. Там, в местной печати, появляются ее стихи: Альфонсина начала писать их с двенадцати лет. В этом городке она встретила человека, которого полюбила, — отца своего будущего сына. Брак между ними был невозможен, и Альфонсине пришлось оставить школу и уехать в Буэнос-Айрес. Она очутилась в огромном городе совсем одна, с ребенком на руках, без денег, без работы, без крыши над головой. Чудом ей удалось найти место в торговой фирме. Там, покончив с деловыми бумагами, Альфонсина на редкие минуты уносилась в страну поэзии. «Я писала стихи, чтобы не погибнуть», — рассказывала она впоследствии. Первая книга поэтессы «Трепет роз» (1916) вышла небольшим тиражом, но привлекла внимание читателей, и критика отозвалась о ней чрезвычайно благожелательно. Успех книги помог Альфонсине найти место преподавательницы в столичном колледже. Эта работа доставляла ей радость и не мешала поэзии. Поэзия была для нее исповедью, исповедью гордого, сильного человека и в то же время исповедью женской души — ранимой и одинокой в неукротимой жажде совершенства. Один за другим выходят сборники ее стихов: «Счастливая утрата» (1918), «Непоправимо» (1919), «Бессилие» (1920), «Охра» (1925). Критика не жалеет для нее похвал, она получает различные литературные премии; наступает внешне счастливое десятилетие, ознаменованное творчеством, общественной деятельностью, заслуженной славой. Однако многолетнее внутреннее одиночество не покидало поэтессу. Душевная борьба поглощала ее силы, приводя к нервным срывам, и когда ее настигла неизлечимая болезнь, Альфонсина Сторни покончила с собой, бросившись в море. Вместе с некрологом был напечатан ее предсмертный сонет: «Хочу уснуть... Меня ты уложи // и в головах созвездие зажги мне...»

* Альфонсина Сторни — Лирика (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 121–138.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Жизнь

Волненьем жизни я опьянена,
и в жилах кровь моя огнем клокочет,
и все во мне кричать повсюду хочет,
что радостью всех празднеств я полна.

Пусть глубоко в душе погребена
та скорбь, что незаметно сердце точит,
но прежних мук она мне не пророчит, —
лишь светлую печаль дарит она.

Как сердце, бьется мир, меня тревожа:
его гармонию вбираю кожей
и колдовскую чашу пью до дна...

Окно я распахнула на мгновенье —
в окно впорхнуло ветра дуновенье,
и солнечность свою внесла Весна!

Моя судьба

Как себя обману я? Ведь я знаю давно:
все, что мною любимо, все умрет все равно.

Суждены на роду мне, видно, беды одни:
трижды розы сажала, трижды гибли они.

Так в руках моих гибнет все, что я берегу...
Все теряю, теряю и забыть не могу.

Лишь увижу засохший я розовый куст,
разомкну немоту я скорбью сомкнутых уст

и шепчу: «Поделом мне!» Ведь я знала давно:
все, что мною любимо, все умрет все равно.

Усталость

Когда уходит день — у всех, у всех у нас
есть час предательский, есть сумеречный час...

Едва дневным теплом дарившее людей
покинет солнце нас — Великий Чародей,

как смута бытия всплывает не спеша
и рвется, соткана из нежных крыл, душа.

В тот час твержу себе: «Зашла твоя звезда:
не вышла жизнь теперь — не выйдет никогда!»

В тот час лишь об одном судьбу свою прошу —
не быть! И не живу, не мыслю, не пишу...

В тот час, ничтожностью своей угнетена,
я в бездну ввергнута, отчаяньем больна,

и хочется тогда монетой мелкой стать,
чтоб закатиться в щель, под стол иль под кровать,

иль безделушкой стать и спрятаться в карман,
стать просто мебелью, как стул или диван,

утратить память, ум, стать вещью неживой
и ничего не знать, не думать ничего.

.

Когда уходит день — у всех, у всех у нас
есть час предательский, есть сумеречный час...

Приди, скорбь!

Терзай меня, о скорбь! Не заслоню я лба
от клюва твоего! Моя душа как дара,
дрожа и радуясь, ждет твоего удара:
в нем силу обретет душа, что так слаба.

Проникни в суть мою, о скорбь — моя судьба!
Ток крови измени, глагол исполни жара...
Мне уготована пожизненная кара:
в колодках за тобой влачиться как раба!

Вонзи в меня копье! И не жалея при этом.
Прольется кровь моя, но стану я поэтом,
элегию сложу в честь твоего копья...

Мне нанеси удар! Он душу мне разбудит
и в лоне матери-земли зерном он будет,
из коего взрастет поэзия моя!

Два слова

Ночью ты шепнул мне два коротких слова,
хорошо знакомые и давно не новые,
и уже уставшие
от употребленья.
Старые слова и все же вечно новые.

И такие нежные, что я от волненья
чуть не поперхнулась луной, проглянувшей
сквозь ветви деревьев. И такие нежные,
что я не посмела
смахнуть муравья, кусавшего мне шею.

И такие нежные,
что у меня невольно
вырвалось: «О боже, как прекрасна жизнь!»
И такие нежные,
что, словно благовония,
пролились слова твои на мое тело.

И такие нежные,
что пальцы мои нервно
потянулись ножницами прямо к небу.

О, они хотели бы
срезать звезды!

Что скажут?

Что скажут обыватели, тупые и суровые,
коль, перекасив волосы в серебряно-лиловые,
надев венок из лилий и греческий хитон,
я стану петь на улицах под скрипок нежный стон?

Что скажут они, к тайнам поэзии глухие,
коль стану им на площади читать свои стихи я,
от кляпа всех запретов освободив свой рот?..
Что будет, коль все это мне в голову взбредет?

Перекосятся ль злобой их ханжеские лица,
иль на костре сожгут меня,
как ведьм жгла инквизиция,
иль проклянут с амвонов,
иль — ах, не все ль равно!..

Когда об этом думаю — мне горько и смешно.

Углы и квадраты

Дома стоят рядами, рядами,
рядами.
Квадратами, квадратами, квадратами,
рядами.
У всех у нас душа уже тоже квадратная,
а мысли рядами
и плечи углами.
Вчера, когда с ресниц слеза у меня капнула, —
о боже мой, она была квадратная!

Обнаженная душа

Душа не прикрывается стихами:
в них, обнаженная, бредет с тоской,
усеивая землю лепестками...

Душа, что может стать волной морской,
непроходимой сельвой, черной тучей
иль превратиться в розу, мак, левкой.

Душа, что ветром над водой кипучей
ревет, рождая в океане ад,
а после сладко спит под горной кручей.

Душа, в чьем храме неизменно чтят
богов, дарующих душе прозренье.
Душа, не ведающая преград.

Душа, что так легко порабощенье
снесла б от сердца, если б сердце кровь
с ней разделило, дав ей утоленья.

Душа, что зиму призывает вновь
уже с весны и просит снегом белым
упасть на зеленеющую новь.

Душа, что, видя все оледенелым,
печалится о розах, и весна
вновь грезится ей сладостным уделом.

Душа, что скорбью будучи больна,
вдруг сотней бабочек летит куда-то,
и жизни сок им пить велит она...

Душа, что примет смерть от аромата,
от вздоха, от нескладного стиха,
в чьей немощи она не виновата.

Душа, что к утешениям глуха
и жаждет доброты, ее не зная,
и кары ждет, не ведая греха.

Душа, что все отдаст, лишь бы родная
душа ее касалась на ходу,
по капле нежность на нее роняя.

Душа, не одолевшая вражду
к самой себе, сама себя увечит
и, кровью исходя, в бреду лепечет,
что превратиться ей пора в звезду.

Страх

Я даже здесь, с тобой, страшусь всех и всего,
в твоих руках дрожу, как раненая птица.
Любимый, дай словам любви твоей излиться —
давно мой жаждет слух постичь их волшебство.

Спаси меня — сама не знаю от чего, —
дай волосам моим вокруг тебя обвиться,
под поцелуями твоими дай забыться,
комочку страха дай изведать торжество.

Познала, жизнь, твои и когти и клыки я,
не испытал весны, как женщины другие,
чьему неведенью не угрожает страх...

И лишь тогда душа защищена от муки,
когда моих волос твои коснутся руки,
когда к твоим губам приникну я в слезах.

Я тот цветок

Жизнь твоя течет, как полноводная река:
я на берегу твоём, в гуще тростника,
как цветок затерянный, скрываюсь в тишине, —
поишь ты меня водой, не зная обо мне.

Чуть ты разольешься — в тебе я захлебнусь,
высохнешь — я в тине вязкой задохнусь,
но цветку незримо я в гуще тростника,
если твоя жизнь полна и глубока.

Так на берегу твоём цветку я по весне;
а ты вдаль течешь рекой, не зная обо мне.

Свет

Я бродила по жизни, я искала ответа,
и тянулись тоскливо мои зимы и лета.

Надо мной все смеялись: «Что ты ищешь, о боже!
Не найдешь ведь!» — смеялись. И смеялась я тоже...

Сколько слов я слыхала! Я затоплена ими:
от одних веселела и убита другими.

Но я, глядя на звезды, их молила ночами
о словах, нужных сердцу, ясных, как они сами.

Излучавший надежду звездный свет был так ярок,
и от звезд получила твою жизнь я в подарок.

Я во взгляде твоих темных глаз увидела
мудрость истин простых и свое отражение...

В них нашла я все то, что так долго искала:
покой и забвенье.

Послушай

Я рядом с тобою буду молчать, молчать
и мыслей своих оборву привычную нить,
слова позабуду, желаний не буду знать,
но буду любить.

Я буду объятий твоих искать, искать,
пока будет дождь монотонный все лить и лить,
но тяжкого груза мне с сердца, увы, не снять
и не объяснить.

Слезы польются дождем у меня из глаз,
когда не захочешь ты больше меня жалеть,
а ливень над городом мягко опустит как раз
мокрую сеть...

Но если разлюбишь, я слезы вытру тогда
и, ночью печальной покинув земную твердь,
по черным морям поплыву я туда, туда,
туда, где ждет смерть.

Кто?

Кто там плачем исходит?
Скорбь людская рыдает?
Страсть твоя умирает?
Или смерть рядом бродит?

Ходуном дом наш ходит...
Кто там глухо стенает?
Кто мне сердце сжимает?
И с ума меня сводит?

Леденит душу ветер,
в лунном чудится свете
кто-то неразличимый...

Эта тень как виденье,
треск деревьев, паденье...
Ах, мне страшно, любимый!

Я словно древний склеп

Когда твоих мне не хватает слов,
я словно древний склеп в пыли веков
среди других растреснутых надгробий,
где жизни нет, где только вой ветров.

И вся я словно выжата до дна:
душа моя пуста и тело пусто...
Я — склеп, когда твоих не слышу слов,
тысячелетний склеп в пыли веков.

Блуждающая нежность

Я из рук выпускаю беспричинную нежность,
выпускаю из рук... Вместе с ветром летит
и блуждает по свету наудачу, без цели
бесприютная нежность... Кто ее приютит?

Я могла бы кого-то полюбить бесконечно,
и ему эту нежность подарил бы мой взгляд...
Но вокруг никого. И должна моя нежность
по цветущим тропинкам брести наугад.

Если кто-то незримо тебя поцелует,
или ветка вздохнет над твоей головой,
или чья-то рука вдруг сожмет твою руку
и тихонько тебя поведет за собой, —

и ты станешь винить пролетающий ветер,
будто нежностью он тебя манит, дразня...
О прохожий, чей взор словно ясное небо,
распознаешь ли ты в этом ветре меня?

Монотонность

Как словами сказать, что со мною такое,
что за жажда мне душу сжигает огнем...
Отчего в неприкаянном сердце моем
что-то рвется и плачет, не зная покоя?

Гибнет то, что рождается в сердце моем,
и душа моя плачет, не зная покоя,
и какая-то боль жжет мне душу огнем...
Не пойму, не пойму, что со мною такое.

Дни проходят сквозь душу, и нет ей покоя,
каждый день выжигает мне душу огнем...
И душа моя плачет, а в сердце моем —
неизбывная боль... Что со мною такое?

Шип

Играли солнца блики,
я по тропинке шла:
меня в кустарник дикий
тропинка завела.

Рванулась я, объятья
колючие кляня,
но шип, вонзившись в платье,
не отпустил меня.

Вот так однажды случай
мой путь с твоим скрестил,
и взгляд твой — шип колючий
меня остановил.

Шип острый — не преграда,
кустарник обогну...
Но навсегда у взгляда
я твоего в плену.

Милостыня

Мне чья-нибудь душа нужна, чтоб я могла
любить... Нужна душа, твержу я, как в бреду:
хоть каплю на меня пролей души своей,
хоть отсветом ее умерь мою нужду!

Мне в жизни лишь душа нужна, одна душа,
одна, всего одна, но где ее найду?
Ведь быть должна она, как небо, в звездах вся,
чтоб я меж звезд ее свою нашла звезду.

А так я просто вещь, потерянная вещь...
Куда я и зачем иду, иду, иду?
Я жизнью заплачу за душу, но кому?
Кто мне отдаст ее, кого напрасно жду?

Розы предместий

Едва придет весна
в предместья грязные,
где бедняки ютятся
в домах, сколоченных из жести и досок, —
уродство жалких стен прикроют розы.

О розы!
Когда б людьми вы были, без сомненья,
подобно им, вы предпочли бы жить
в богатых парках, на роскошных виллах,
забыв убогие жилища
бедняков.

Но вы не таковы:
земля любая
вам дорога. И даже, может быть,
невзрачность пыльных улиц вам дороже:
там выглядите вы пышней и ярче —
единственная роскошь бедняков,
бесплатный дар природы...
(Дождь с небес
пока еще не ведает корысти.)

И по утрам,
когда сияет солнце,
ярко-зеленые побеги бойко,
в лачугах отыскав подобье окон,
заглядывают в тесные каморки,
и лепестки расцветших роз лепечут:
«День добрый!» — обитателям лачуг.

И если к вам, о розы,
подбежит
малыш голубоглазый, улыбаясь, —
дитя предместья — тощий и чумазый,
вы, у кого нет разума и глаз,
вы — чуткие, всевидящие розы,
на золото его кудрей одну
из роз урбните
как бы случайно...

И, коронованный,
не ощутит
он тяжести прекраснейшей короны...
И, словно Эрос,
маленький оборвыш
вприпрыжку удалится, напевая.

Черта

В тот день, когда умру, об этом весть дойдет
до канцелярий, где ведут смертям учет,
где в книгах записей должны тотчас отметить
тех, кого больше нет среди живых на свете.

Весть эта долетит на траурных крылах
до деревеньки той, что высоко в горах,
и тот, кому чужды и жизнь и смерть моя,
там вычеркнет меня из книги бытия.

Воспоминание

О кордовские горы! До сих пор
я помню все: души покой и праздность,
цветенье мяты, дней однообразность,
и неба ослепительный простор.

Мимозы аромат бродил в крови...
Разбившиеся под вечер на пары,
мы слушали, как струнами гитары
нам танго говорило о любви.

Мы были молоды тогда... Над нами
цепь гор плыла верблюжьими горбами.
С прогулок дальних в сумеречный час

мы возвращались с песнями и смехом:
весенний воздух отвечал нам эхом
и юный диск луны глядел на нас.

Слово

Твой дар, природа, как мне дорог он;
благодарю тебя за дар поэта:
я радость женскую забыла где-то,
и мне весло уж показал Харон...

Чем стала б я без сладостного слова?
Как кислотой травится основа
офорта по рисунку острия,
так души словом обжигают я.

Покуда из груди, сквозь все преграды,
слова идут, — я не боюсь засады
твоей, коварнейшая из сирен...

В словах я возношусь и ставлю слово
скалою на пути у духа злого,
в чьем царстве нам грозит распад и тлен.

Миг

Город из серых костей
хрустит у меня под ногами...

Улиц черные пятна
делят его на квадраты,
в нем наведя порядок,
как на кладбище, аккуратный.

Топорщится он миллионами
жителей.
В этом городе
нет никого, дорогого мне...

И небеса, еще более
серые, чем этот город,
спускаются надо мною,
вены мои сжимают,
жизнь мою отнимают,
заглушают мой голос.

Словно смерч,
кружит, кружит
мир вокруг
мертвой точки —
сердца мертвого
моего.

Хочу уснуть

Твой рот — цветы, и твои руки — травы,
чепец — роса... Кормилица моя:
не пожалей мне простыней песчаных
и одеяла теплого из мха.

Хочу уснуть... Меня ты уложи
и в головах созвездие зажги мне
любое: все созвездья хороши —
ты только опусти его пониже.

Оставь меня одну: придет весна,
и птицы проведут по небосклону
черту забвенья, чтобы ты могла

меня забыть... Спасибо. Да, еще:
когда он позвонит по телефону,
скажи, чтоб не звонил. Что я — ушла.